

12+

ШТАНИ ШТАНО-ШТАНО

ШТАНО, ШТАНИ.

ЖИЗНЬ СО СКИДКОЙ 99% ПОЗВОЛЬ СЕБЕ ВСЁ!

Штани Штано-Штано

**Штано, штани. Жизнь со скидкой
99%. Позволь себе всё!**

«Издательские решения»

Штано-Штано Ш.

Штано, штани. Жизнь со скидкой 99%. Позволь себе всё! /

Ш. Штано-Штано — «Издательские решения»,

Кто не мечтает о скидке 99%? Особенно если она распространяется на всю жизнь, обещая безграничное изобилие. С таким подарком судьбы можно действительно позволить себе всё, о чем раньше боялись и помыслить. Но в нашем мире чудес не бывает, разве что случай занесет вас в темный узкий переулок к витрине магазинчика, торгующего штанами. За пыльным стеклом, в свете мигающего неона, вызывающе красуется надпись «Скидка 99%», сулящая пропуск за грозовой перевал жизни. Зайдете ли вы в этот магазин?

© Штано-Штано Ш.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Штано, штани. Жизнь со скидкой 99%. Позволь себе всё!

Штани Штано-Штано

© Штани Штано-Штано, 2026

ISBN 978-5-0070-3236-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Кто не мечтает о невероятной скидке в 99%? Особенно если она волшебным образом распространяется на всю оставшуюся жизнь, обещая безграничное изобилие. Заполучив такой подарок судьбы, можно действительно позволить себе всё, о чем раньше боялся даже помыслить.

Но, увы, в привычном мире подобных чудес не бывает...

Разве что однажды случай занесет вас в кривой, окутанный туманом переулок к витрине крошечного магазинчика, где торгуют обыкновенными на первый взгляд штанами. За мутным, покрытым слоем вековой пыли стеклом, в неверном свете мигающего неона, вызываясь красуется надпись «Скидка 99%», сулящая почти даровое избавление от всех земных горестей.

Этот ярко-алый ценник гипнотизирует и манит своей безумной доступностью, заставляя сердце биться в лихорадочном предвкушении немыслимой удачи.

Однако за аттракционом неслыханной щедрости скрывается липкий, необъяснимый страх перед фатальной неизвестностью: какая темная бездна таится за тем самым оставшимся одним процентом стоимости?

Кажется, стоит лишь коснуться мокрой от холодного утреннего дождя дверной ручки, и эта сказочная выгода мгновенно обернется хитроумной ловушкой, истинная цена выхода из которой окажется в миллионы раз выше всех денег мира.

Рискнете ли вы туда зайти?

Глава 1

Однажды я заблудился и бродил по городу без цели. В последнее время я вообще с трудом понимал, куда иду и зачем.

Работа, дом, работа — этот маршрут выжжен в моем сознании, как глубокая колея, из которой невозможно выскочить, не сломав оси. По двенадцать часов в день я сверлил взглядом монитор, чувствуя, как внутри что-то медленно и необратимо отсыхает. Коллеги вежливо называли это «выгоранием». Я же знал правду, которую боялся произнести вслух: моя жизнь стала абсолютно пустой.

В то утро небо вдруг разверзлось. Тяжелые, почти свинцовые капли дождя упали на асфальт, и толпа, которая только что чинно шла по проспекту, в панике разбежалась. Я прикрыл голову руками и бросился в первый попавшийся переулок. Он оказался узким и тесным, зажатый между стенами с облупившейся штукатуркой. Редкие фонари светили тускло, едва пробиваясь сквозь густую серую пелену дождя.

Дождь только набирал силу. Я промок до нитки; привычное раздражение мешалось с липким чувством нелепости происходящего. Я уже готов был пробежать этот тупик насквозь, но что-то заставило меня замереть. Среди бетонной серости, мусорных баков и бесконечной городской тоски внезапно, словно электрический разряд, вспыхнул синий неон.

Вывеска пульсировала, словно сердце, которое наотрез отказалось сдаваться. «Дзубон-коку¹. Штаны Сато», — прочитал я. Чуть ниже мелким шрифтом мерцала странная фраза: «Скидка 99% — ты можешь позволить себе всё».

Я замер, не сводя глаз с неона. Абсурдность момента была настолько вызывающей, что я невольно усмехнулся. Скидка девяносто девять процентов в крошечной лавке, затерянной в богом забытом переулке? Это походило либо на дешевое мошенничество, либо на чью-то злую шутку. И всё же я не двигался. Дождь нещадно хлестал по лицу, но я продолжал стоять, замороженный этим синим сиянием.

Там, за пыльным стеклом витрины, теплился мягкий желтый свет. Сквозь налеты времени угадывались тяжелые деревянные полки, старинный кассовый аппарат и фигура в кресле-качалке. Человек сидел неподвижно, с прикрытыми веками, и на мгновение мне почудилось, что это манекен. Но вдруг его губы едва заметно дрогнули, и до меня донеслось приглушенное, почти гипнотическое: «Штано... штано...».

Станный покой вдруг разлился в груди, вытесняя холод. Я перестал дрожать. Мысли о завтрашней планерке, вечных счетах и отчетах для вечно недовольного босса просто испарились. Меня тянуло внутрь — и вовсе не из-за призрачной выгоды. Это было обещание чего-то более монументального. Возможно, тишины. А возможно — единственного верного ответа.

Я толкнул дверь. Тонкий звон колокольчиков над головой отчеканил начало пути, с которого уже невозможно будет повернуть назад.

¹ В переводе с японского «страна штанов».

Глава 2

Колокольчики над дверью смолкли, и я мгновенно очутился в ином измерении. Снаружи бесчинствовал ливень, город захлебывался в собственном гуле и раздражении, но здесь, под сводами «Штанов Сато», воцарилась почти осязаемая тишина. Она не была пустой — скорее плотной и густой, как в комнате, где только что завершилась долгая молитва.

Я огляделся. Грубые деревянные полки уходили под самый потолок. На них ровными, тяжелыми стопками лежали штаны. Не на бездушных вешалках или застывших манекенах — они именно покоились здесь, словно путники, присевшие отдохнуть после бесконечной дороги. В воздухе плыл густой аромат кедровой древесины, сухой лаванды и чего-то неуловимого — возможно, так пахнут страницы старых книг или само время.

В глубине зала, у окна, выходящего в тесный внутренний дворик, мерно качалось кресло. В нем замер старик. Его веки были плотно сомкнуты, но я кожей чувствовал: он не спит. Его губы едва заметно вибрировали, извлекая тихий, ритмичный звук: «Штано... штано... штани...». Слово струилось бесконечным потоком, превращаясь в мантру, в само дыхание этого места.

— Не пугайтесь, — мягко произнес голос откуда-то из полумрака слева. — Дедушка перенес инсульт и почти лишился речи. Единственное, что у него осталось, — это слово «штаны» на его родном наречии.

Я обернулся. Передо мной стояла девушка лет двадцати пяти, а может, чуть старше. Темные волосы были стянуты в строгий узел, поверх светлой рубашки надет синий хлопковый фартук. Она не улыбалась, но в её взгляде сквозило такое обезоруживающее спокойствие, что я вмиг перестал чувствовать себя промокшим до костей клерком. Здесь я был гостем. Желанным и, кажется, долгожданным.

— Аки, — представилась она с легким, едва заметным поклоном. — Помогаю деду. Вы, должно быть, зашли укрыться от ливня?

— Да, — кивнул я, и собственный голос показался мне избыточным в этой тишине. — И... из-за вывески. Скидка девяносто девять процентов. Это ведь маркетинговая уловка?

Аки перевела взгляд на окно, где в серой мгле пульсировал синий неон, и впервые улыбнулась — мимолетно, но удивительно тепло.

— Не совсем. Дедушка всегда повторял: настоящие вещи не продаются за деньги. Он открыл эту лавку сорок лет назад, когда осознал, что люди приходят сюда вовсе не за тканью. Они ищут то, что поможет им выдержать путь. А штаны... штаны — это лишь форма.

Я снова посмотрел на старика. Его веки всё так же были сомкнуты, но губы продолжали неустанно работать. «Штано...» — вновь донеслось до меня. Теперь в этом монотонном звуке мне слышалось не старческое бормотание, а древнее, гулкое одобрение.

— Он действительно не произносит ничего другого? — вполголоса спросил я.

— Уже много лет. С тех пор как вернулся из России, — отозвалась Аки. — Но, знаете, он все еще достойный собеседник. Каждому вошедшему он дарит свое «штано-штани», и каждый слышит в нем что-то сокровенное. Одному оно звучит как «присядь», другому — «не спеши», третьему — «это твое». Интонация, наклон головы, едва уловимый жест... Дед стал мастером одного-единственного слова.

Я невольно обвел взглядом бесконечные полки с их безупречно ровными стопками.

— Но магазин... он вообще приносит прибыль? На что вы живете?

Аки рассмеялась — негромко, но удивительно искренне.

— Дедушка никогда не гнался за прибылью. Он говорит, что его призвание — помогать людям подбирать ту одежду, в которой они смогут пройти свой путь, не натерев кровавых мозолей. Иногда он отдает вещи даром. Иногда берет взамен историю, услугу или простое

обещание. А иногда... — она загадочно прищурилась, — человеку нужно сначала совершить поступок, чтобы просто понять, какой фасон ему впору.

Я хотел уточнить, что именно она имеет в виду, но старик в кресле внезапно открыл глаза. Его взгляд — пронзительный, пугающе ясный — вонзился прямо в меня. Я был готов поклясться: он видит всё то, в чем я малодушно боялся признаться самому себе. Его губы вновь пришли в движение, и на этот раз я отчетливо, до мурашек, услышал: «Шта-а-а-но...»

Аки медленно перевела взгляд с деда на меня и почти шепотом произнесла:

— Кажется, дедушка считает, что вы оказались здесь вовсе не случайно.

Глава 3

Аки жестом пригласила меня присесть на массивный дубовый тансу² у стены, а сама опустилась напротив на низкую табуретку. Старик Сато вновь прикрыл веки и вернулся к своему бесконечному «штано», но я кожей чувствовал: он не упускает ни единого слова.

— Вы, должно быть, обратили внимание на вывеску, — начала Аки. — Скидка в девяносто девять процентов — это не маркетинговый ход. Это условие. Дедушка сформулировал его много лет назад, когда осознал: люди привыкли оценивать всё в деньгах, забывая, что истинные ценности торгуются в совсем иной валюте.

Я криво усмехнулся, всё еще сопротивляясь абсурдности момента:

— И что же это за валюта? В чем заключается оплата?

— В честности и времени, — просто ответила она. — Условие таково: вы вправе забрать любые штаны в этой лавке с обещанной скидкой. Вы заплатите лишь один жалкий процент от их номинальной цены. Но взамен вы посвятите нам целый день. Вы будете примерять разные модели — те, что предложу я, или те, что выберете сами. Вы будете носить их, обживать, дышать в них хотя бы по часу. А после — расскажете нам с дедушкой, что чувствуете. О чем думаете, что внезапно вспомнили. Как эта ткань меняет ваше восприятие себя и всего мира.

Я скептически вскинул бровь. Звучало... дико. Даже абсурдно. Убить целый день в лавке, примеряя штаны и исповедуясь в своих ощущениях? В голове тут же щелкнул невидимый счетчик: стоимость моего рабочего часа, упущенная выгода, сорванные дедлайны.

Я уже набрал в грудь воздуха, чтобы вежливо — или не очень — откланяться, но почему-то промолчал.

Аки ждала. В ее взгляде не было ни капли давления или желания уговорить — только безмятежное, почти вековое терпение.

— А если мне не понравится? — выдавил я, просто чтобы нарушить затянувшуюся паузу.

— Вы вольны уйти в любую секунду, — она едва заметно пожала плечами. — Здесь никто никого не держит. Но если решитесь остаться, то узнаете, что такое настоящая скидка.

Я еще раз обвел взглядом помещение. Обволакивающий свет, аромат лаванды, мерное «штано», доносящееся из кресла... Это пространство настолько диссонировало с моей привычной реальностью, что казалось гипнотическим трансом. За стеклом бесновался ливень, но здесь время словно завязалось узлом и замерло. Ни звонков, ни дедлайнов, ни бесконечных отчетов, требующих немедленной правки.

И вдруг я осознал: мне отчаянно не хочется уходить. И дело было вовсе не в призрачной выгоде — я никогда не был фанатом распродаж. Меня зацепило это забытое, вымытое годами чувство покоя. Когда я в последний раз позволял себе просто сидеть, не подгоняя стрелки часов? Когда я что-то делал ради процесса, а не ради сухого результата в конце квартала?

— Ладно, — мой собственный голос прозвучал для меня чужой, неожиданной нотой. — Я согласен.

Аки улыбнулась, и в этой улыбке промелькнуло что-то обезоруживающе теплое, почти родное.

— Вот и славно. Тогда начнем.

Она поднялась и бесшумно направилась к стеллажам, где штаны покоились безупречно ровными стопками. Я по привычке хотел уточнить, сколько времени займет первая примерка, но вовремя прикусил язык. Впервые за долгие годы у меня не нашлось ни единого повода для спешки.

² Тансу — традиционные японские переносные сундуки для хранения одежды.

Старик Сато на миг приоткрыл один глаз, скользнул по мне пристальным взглядом и снова погрузился в созерцание пустоты, издав протяжный, вибрирующий выдох: «Шта-а-а-но...». Мне почудилось, или в этом звуке действительно пророкотало глухое одобрение?

Глава 4

Аки не колебалась ни секунды. Она уверенно прошла вдоль стеллажей, замерла у одной из стопок и, не раздумывая, вытянула пару штанов, сложенных в безупречный прямоугольник.

— Начнем с этих, — произнесла она, протягивая мне сверток.

Едва я взял их, как по ладоням разлилась странная, почти пугающая легкость. Ткань казалась невесомой — струящаяся, прохладная, цвета предрассветного неба, когда ночь уже отступила, а солнце еще не коснулось горизонта. Я развернул их и замер: ничего подобного мне прежде не доводилось держать в руках. В них не было ничего от привычного спортивного стиля — ни крикливых логотипов, ни накладных карманов, ни тугих резинок. Просто вещь, которая, казалось, жила собственной жизнью, лениво перетекая между пальцами.

— Примерочная вон там, — Аки кивнула в сторону угла, где за ширмой из темного дерева скрывалась тесная кабинка.

Я скрылся за перегородкой, вновь ощутив укол нелепости. Взрослый, серьезный мужчина забрел переждать дождь, а теперь участвует в странном перформансе с примеркой штанов «по акции». Но стоило мне надеть их, как вся ирония испарилась.

Ткань обняла тело, но не сковала его. Она словно растворилась, оставив после себя лишь чистое ощущение полета. Я сделал шаг, другой — ноги двигались с пугающей свободой, без привычной свинцовой тяжести. Будто кто-то невидимый наконец отстегнул гири, которые я таскал на себе так долго, что успел сродниться с их весом.

Я вышел из-за ширмы примерочной. Аки встретила меня долгим, изучающим взглядом, в котором читалось тихое одобрение.

— Беговые, — пояснила она, едва заметно кивнув на мои ноги. — Дедушка шил их для тех, кто напрочь забыл, что значит движение ради чистого удовольствия. Ну как? Что скажете?

Я сделал еще несколько шагов по залу, жадно прислушиваясь к собственному телу. Внутри что-то менялось — не резко, не крикливо, но совершенно отчетливо. Словно заржавший механизм внезапно смазали маслом.

— Они... просятся на волю, — признался я, и мой голос прозвучал неожиданно твердо. — Им здесь тесно. Будто стены давят.

Аки улыбнулась и указала на выход.

— Так идите. Ливень почти стих.

Я колебался лишь мгновение. Сердце предательски екнуло, но рука уже сама толкнула дверь. Я шагнул наружу.

Небо всё еще хмурилось, но стена воды действительно распалась на редкие капли. Воздух сделался пронзительно чистым, пахнущим озоном и обновлением, словно город только что прошел через великое омовение. Я сделал пару шагов по глянцевому от влаги асфальту, потом еще несколько — и вдруг, повинаясь какому-то первобытному импульсу, ноги сами перешли на легкий, пружинистый бег.

Я бежал.

Не ради того, чтобы куда-то успеть. Не ради мифической пользы для здоровья, не ради выносливости или сухих цифр на весах. Я бежал просто потому, что этого требовало тело. Ноги работали легко и пружинисто, дыхание само, без усилий, подстроилось под ритм движения. Встречный ветер бил в лицо, из-под подошв летели веера брызг, и вдруг на меня обрушилось воспоминание.

Мне десять лет, и я несусь по двору, обгоняя друзей. Я бегу, чувствуя, как послушны мышцы, как ровно и мощно толкает кровь сердце. Тогда это было чистым восторгом. Тело обожало движение. В этом была какая-то первобытная, животная радость — чувствовать себя по-настоящему живым.

Когда это исчезло? В какой момент бег превратился в повинность, в пункт изнурительного режима, в средство достижения цели? Я перестал бегать ради удовольствия еще в старших классах, а позже и вовсе замуровал себя в офисном кресле, оставив для движения лишь редкие часы в спортзале, где каждый мой шаг был учтен, оцифрован и запланирован.

Я добежал до конца переулочка, развернулся и рванул обратно. Легкие работали как часы, усталость даже не касалась мышц. Не знаю, сколько прошло времени — пять минут или четверть часа. Просто летел, чувствуя, как плавится сковывавшее меня напряжение, как расправляются плечи, а лицо само собой расплывается в забытой улыбке.

Я замер на пороге лавки, тяжело дыша — не от изнеможения, а от захлестнувшего восторга. Аки стояла у прилавка, не сводя с меня глаз.

— Ну как? — тихо спросила она.

Я провел ладонью по ткани, всё еще не веря в эту почти эфирную легкость.

— Я вспомнил, каково это — бежать просто так. Не ради секундомера, не ради результата и не для галочки в органайзере. Просто потому, что тело поет от движения. Я и забыл, что так бывает.

Аки понимающе кивнула, словно именно этих слов и ждала.

— Дедушка говорит: одежда не должна обременять. Если в штанах ощущается тяжесть — значит, они чужие. Если в них хочется лететь — возможно, это именно то, что вы искали.

Я взглянул на старика Сато. Он по-прежнему сидел в кресле с сомкнутыми веками, но в уголках его губ затаилась едва уловимая улыбка. И в тишине вновь провибрировало мягкое, торжествующее:

— Шта-а-а-но...

Глава 5

Я замер на пороге, чувствуя, как унимается сердце и выравнивается пульс. Но та легкость, что настигла меня на улице, никуда не делась — она пустила корни где-то глубоко внутри: в груди, в кончиках пальцев, в каждой клетке тела, которое наконец-то вспомнило свое истинное предназначение.

— Присядь, — Аки заботливо положила на сундук мягкую подушку. — Рассказывай.

Я опустил на край, невольно поглаживая ткань штанов. Мне отчаянно не хотелось их снимать. Впервые за долгие годы я не испытывал желания поскорее переодеться во что-то «приличное» — в то, что привычно давило, сковывало и диктовало правила.

— Я бежал, — начал я и сам удивился собственной безотчетной улыбке. — Просто бежал. Как в детстве. Без секундомера, без оглядки на пульс и темп. Ноги сами несли меня вперед.

Аки слушала затаив дыхание. Старик Сато застыл в своем кресле; я внезапно осознал, что его монотонное «штано» стихло. В лавке воцарилась живая, пульсирующая тишина. Он ждал.

— Знаете, — продолжил я, мучительно подбирая слова, — я ведь когда-то любил это. В школе, в институте... Даже в первые годы работы я старался ходить в офис пешком — мне нравилось само чувство движения. А потом... потом всё как-то выветрилось. Сначала я внушил себе, что на это нет времени. Затем решил, что утренние пробежки — забава не для серьезного, занятого человека. В итоге я просто купил абонемент в зал, чтобы отрабатывать повинность на беговой дорожке. Но это была подмена. Смотреть в стену и уныло считать сожженные калории... Я ненавидел каждую минуту, но заставлял себя. Потому что «так надо».

Я замолчал, оглушенный внезапной ясностью: вся моя жизнь превратилась в бесконечный список «надо». Надо вкалывать до темноты в глазах ради призрачного повышения. Надо покупать вещи, соответствующие статусу. Надо фальшиво улыбаться «правильным» людям. Надо лететь в отпуск туда, где принято отмечаться. Надо, надо, надо...

А осталось ли в этом плотном графике место для простого человеческого «хочется»?

— Я напрочь забыл, что движение может приносить радость само по себе, — произнес я, и мой голос эхом отозвался в тишине лавки. — Моя жизнь превратилась в затяжной бег с препятствиями. Только я почему-то решил, что сами барьеры и есть смысл. Верил: если буду прыгать достаточно долго и высоко, то в финале меня ждет что-то по-настоящему важное. Но я бегу десятилетиями, а цель всё не показывается на горизонте. Я продолжаю этот марафон лишь потому, что остановиться — чертовски страшно.

Аки спросила почти шепотом:

— А если бы вы бежали не из страха, а по велению сердца? Что бы тогда изменилось в вашем мире?

Я уже открыл рот, чтобы выдать привычный набор оправданий — про груз ответственности, про долг, про то, что взрослые люди не могут потакать своим капризам. Но слова застряли в горле. Ведь всего десять минут назад я позволил себе бежать из чистого, первобытного желания. И небо не рухнуло на землю. Напротив — краски стали сочнее, воздух — целебнее, а тело — невесомым.

— Не знаю, — честно признался я. — Но я вдруг осознал: всю свою сознательную жизнь я либо преследовал что-то, либо от чего-то удирал. Гнал за деньгами, статусом, одобрением. Бежал от нищеты, неудач и липкого страха оказаться никем. Я никогда не бегал ради самого процесса. И сейчас, когда я на мгновение это сделал... я наконец-то ощутил себя собой. Тем, кем я был до того, как меня раздавило этим огромным «должен».

Я замолчал, оглушенный внезапным озарением: а что, если такая легкость возможна не только в беге? Не в буквальном смысле — не нестись же мне по улицам до конца дней, — а

жить так, чтобы в каждом жесте, в каждом судьбоносном выборе сквозила эта свобода? Жить, не преодолевая себя в вечной схватке, а наконец-то следуя за собой?

В глубине лавки скрипнуло кресло. Старик Сато приоткрыл глаза и посмотрел на меня в упор. В его взгляде не было ни тени жалости или снисхождения — только бесконечная, донная мудрость. Его губы дрогнули, и на этот раз я уловил не просто звук, а целую симфонию, сотканную из единственного слова:

— Шта-а-а-но...

В этом выдохе уместилось всё: и негласное одобрение, и абсолютное сопереживание, и древняя, как само мироздание, истина. Когда находишь свои штаны — ты наконец-то обретаешь свой путь.

Я перевел взгляд на Аки. Ее улыбка была такой же мягкой и согревающей, как свет в этом магазине.

— Дедушка считает, что вы выбрали верный путь, — произнесла она, хотя я и без перевода всё понял.

Я посмотрел на свои ноги, всё еще облаченные в невесомую ткань цвета рассветных сумерек. Мне стало почти физически больно расставаться с этим ощущением. Но я понимал: это лишь начало. Впереди ждали другие полки, другие фактуры и, возможно, те самые открытия, ради которых я и заблудился в этом дождливом переулке.

Глава 6

Я неохотно стянул беговые штаны, кожей чувствуя, как вместе с тканью ускользает то сатори³ — звенящая легкость и внезапная ясность, что наполнили меня на улице. Передал их Аки. Она бережно расправила складки и отложила их в сторону — не на общую полку, а отдельно, словно оставляя за мной право на возвращение к этому состоянию.

— Что дальше?

— Готовы к следующему шагу? — спросила она, и в её негромком голосе просквозило сочувствие. Она слишком хорошо знала, как болезненно расставаться с тем, что пришлось в пору.

Я кивнул, хотя всё внутри предсказуемо протестовало. Аки подошла к другому стеллажу. Здесь ткани были плотнее, а оттенки — глубже и суровее. Она уверенно вытянула новую пару.

— Штаны странника, — произнесла она, передавая мне увесистый сверток.

— Хорошо...

Я принял их и мгновенно ощутил перемену веса. Ткань была прочной, надежной, как старый тракт, который точно знает, куда ведет путника. Цвет напоминал чернозем после грозы — густой, спокойный, многообещающий. Но по-настоящему меня заворожили карманы. Их было великое множество: накладные и прорезные, на бедрах и голених, скрытые за клапанами и демонстративно открытые. Я коснулся одного, другого... и вдруг почудилось, что эти карманы не пусты. В них не было привычной тяжести вещей, но они хранили в себе нечто незримое и весомое.

— Карманы странника, — пояснила Аки, пока я скрывался за ширмой. — Они предназначены не для ключей или бумажников. В них хранят то, что пережито. Ваш опыт, ваши встречи, ваши обретения.

Я натянул штаны. Они сели идеально: плотная ткань не стесняла движений, а словно создавала надежный каркас, оберегая всё, что я решу доверить этим глубинам. Я вышел из-за ширмы и, подчиняясь безотчетному порыву, опустил ладонь в боковой карман. Пальцы коснулись пустоты, но в то же мгновение перед глазами вспыхнуло лицо отца.

Берег моря. Мне семь лет. Он крепко сжимает мою ладонь, пока пенистая волна лижет босые ступни, утягивая песок из-под пальцев. Я кожей чувствую оседающую на губах соль и тепло его мозолистой руки. Это воспоминание казалось стертым, похороненным под слоями взрослой суеты. Но карман — помнил.

Я нырнул рукой в другой, скрытый клапаном. Резкая вспышка: мне шестнадцать, я на подмостках школьного театра. В зале — вязкая темнота, но я точно знаю, что в третьем ряду сидит она. Я произношу свои нехитрые реплики, наши взгляды на долю секунды пересекаются, и она улыбается. В животе испуганно порхают бабочки. Я чувствую себя пронзительно живым, стоящим на самом пороге огромного, сияющего «завтра».

Я лихорадочно перебирал карманы, и каждый возвращал мне частицу утраченного «я». Вот я лежу в высокой траве студенческого парка, растворяясь в бездонном небе. Вот мой первый настоящий заработок — не безликие цифры на карте, а хрустящие купюры за отремонтированную соседскую веранду; я отчетливо слышу запах свежей древесной стружки, масляной краски и привкус чистой гордости. Вот ночной кухонный разговор с другом, когда будущее казалось нам бесконечным и покорным, как чистый лист.

Я замер. Внезапное осознание обожгло: ни одно из этих сокровенных мгновений не было связано с большим богатством. Ни с вещами, которые я с таким азартом коллекционировал,

³ В практике дзэн-буддизма это состояние внезапного просветления или интуитивного постижения своей истинной природы.

ни с атрибутами успеха. Там не было ни блеска новой машины, ни тяжести статусных часов на запястье, ни выхолощенного комфорта дорогих отелей, в которых я безуспешно пытался спрятаться от самого себя.

— Они все... — начал я и осекся, не в силах подобрать слово.

Аки смотрела на меня с кротким, глубоким вниманием. Она не торопила.

— Я перебирал карманы, — выдавил я наконец, — и в каждом находил частицу настоящей жизни. Те редкие вспышки, когда я по-настоящему дышал. И ни одна из них не стоила ни гроша. Ни единая.

Аки медленно, весомо кивнула.

— Дедушка говорит: истинный странник богат не тем, что он приобрел в пути, а тем, что сумел вспомнить на привале. Вещи остаются за порогом, а воспоминания прорастают в тебя, становясь твоей сутью.

Я посмотрел на свои ладони. Сколько лет я убил на погоню за вещами, принимая обладание за счастье? Глянец нового кузова радовал три дня. Кресло топ-менеджера — неделю. Квартира в престижном районе — от силы месяц. А потом пустота возвращалась, еще более прожорливая, и я снова бросался заполнять ее свежим суррогатом. Но карманы этих штанов хранили иное золото. Они были набиты до отказа не чеками из бутиков, а моментами, в которых я был подлинным.

— А что, если я окончательно всё растерял? — почти шепотом спросил я. — Что, если я так долго гнался за суррогатами, что напрочь разучился просто жить?

Старик Сато медленно разомкнул веки. Его взгляд — пронзительный и чистый, словно горное озеро, — замер на моем лице. И вновь в тишине лавки пророкотало его неизменное:

— Шта-а-а-но...

Аки перевела, и в её голосе зазвучала нежная уверенность:

— Дедушка говорит: вы не забыли, вы просто отвыкли. Эти карманы никогда не пустеют, просто к ним слишком долго никто не прикасался. Сегодня вы вспомнили крупицу. Завтра вернется остальное. Это богатство уже ваше — навсегда.

Я вновь погрузил руки в самые глубокие, потайные отделения. По ладоням разлилось густое, живое тепло. Внезапно я осознал: мне больше не нужно штурмовать карьерные лестницы или коллекционировать статусные игрушки, чтобы почувствовать себя значимым. Нужно было лишь набраться смелости и признать — я уже жил. По-настоящему. И, возможно, прямо сейчас я получаю шанс начать всё заново.

Глава 7

Я продолжал сидеть в штанах странника, глубоко засунув руки в карманы. Тепло бывших мгновений постепенно остывало, уступая место иному чувству — тревожному, липкому, просачивающемуся под кожу. Я медленно выпростал ладони и уставился на них. Пусто.

— Аки... Аки-тян⁴, — произнес я, не поднимая головы, — я ведь всю жизнь занимался собирательством. Копил счета, вещи, полезные связи. Я свято верил: если окружить себя этой крепостью из материальных благ, я буду в безопасности. Но сейчас, когда на мне эти штаны, набитые призраками прошлого, а не реальными деньгами... мне по-настоящему страшно.

— О каком страхе вы говорите? — мягко уточнила она.

— Страх оказаться нищим духом. Что если я сойду с дистанции, откажусь от погони за статусом и всеми этими игрушками «серьезного человека» — и обнаружу, что за душой у меня ничего нет? Пустота.

Я поднял взгляд. Аки смотрела на меня с безмятежным, почти целительным спокойствием. Старик Сато мерно раскачивался в своем кресле, и его приглушенное «штано» теперь напоминало ритмичный шепот прибоя.

— Вы боитесь встретиться с самим собой без посредников, — констатировала Аки. Это не было вопросом.

— Именно, — выдохнул я. — Боюсь, что без внешних декораций я — абсолютный ноль. Что я потратил лучшие годы на возведение фасада, а если его снести, за ним не окажется даже фундамента.

Аки придвинулась ближе и опустила на низкую табуретку прямо напротив меня.

— Знаете, что дедушка говорит о пустых карманах? — негромко спросила она.

Я лишь молча качнул головой.

— Он убежден: пустые карманы — это не беда. Истинная трагедия — когда пусто в груди. Человек лихорадочно набивает одежду вещами и атрибутами успеха лишь для того, чтобы заглушить этот внутренний сквозняк. Со временем он начинает верить, что пухлый бумажник делает полным и его самого. Но это опасная иллюзия.

Я молчал, оглушенный простотой этой истины.

— Вы копили капитал, потому что до дрожи боялись остаться ни с чем, — продолжила Аки, глядя мне прямо в глаза. — Но что, если вы уже... банкрот? Что, если все ваши накопления — лишь гора мертвого пластика и дерева, а ваша собственная душа давно выгорела дотла?

Эти слова ударили наотмашь, потому что в них звенела беспощадная правда. Я вспомнил свои серые утра, когда часами сверлил взглядом потолок, не находя ни единого повода вылезти из-под одеяла. Вспомнил вечера в роскошной квартире, обставленной по последнему слову моды, где я чувствовал себя случайным квартирантом в чужой жизни. Вспомнил пустые разговоры с друзьями — бесконечные замеры статусов, мощностей и должностей, за которыми мы старательно прятали собственное одиночество.

— Я наивно верил: стоит заработать достаточно, и страх отступит, — произнес я севшим голосом. — Но он не уходит. Он лишь разбухает вместе с капиталом. Чем больше я имею, тем в более крупную мишень превращаюсь. Страх потери стал моей тенью.

— Дедушка говорит, — Аки взглянула на старика, и тот ответил едва уловимым кивком, — что ужас перед пустыми карманами — это на самом деле страх потерять лицо. Но истинное лицо не спрячешь за подкладкой. Оно в том, что ты несешь в самом себе.

Я погладил плотную ткань штанов странника. Они пахли детством, первой влюбленностью и той острой, забытой искренностью, которую я проявлял, когда еще был настоящим. И

⁴ Данный суффикс «-тян» присоединяют к именам девушек, выражая особое дружелюбие и теплоту.

вдруг меня прошило: я ведь боюсь не банкротства. Я боюсь, что если прекращу эту крысиную гонку за статусом, то обнаружу — всё это время я бежал по ложному следу. Что я отчаянно пытался купить чувство собственной ценности, которого мне всегда не хватало. И подменял внутренний стержень внешним лоском.

— Я понятия не имею, кто я такой без всех этих регалий, — выдохнул я.

Аки улыбнулась той самой обезоруживающей, теплой улыбкой, которая превращала эту странную лавку в единственную твердыню реальности в зыбком мире.

— Возможно, именно сегодня вы это выясните, — тихо произнесла она. — Собственно, ради этого момента мы здесь и собрались.

Глава 8

Я стянул штаны странника, и вместе с ними из лавки начало утекать тепло прожитых мгновений, оставляя после себя гремучую смесь облегчения и сосущей тревоги. Передал их Аки, и она, повинуясь уже знакомому ритуалу, бережно отложила их в сторону.

— Готовы к новой примерке? — спросила она. В её голосе прорезалась новая нота — осторожная, почти благоговейная.

Я кивнул, хотя в груди всё сжалось в тугой узел. Предыдущие вещи перекраивали меня изнутри, вытряхивали память и заставляли чувствовать забытое. Что же уготовано мне теперь?

Аки подошла к пустой вешалке в тени стены. Медленным, почти сакральным жестом она сняла с неё нечто незримое. Она бережно расправила в воздухе невидимую ткань, которую, казалось, могла осязать лишь она одна, и протянула этот призрачный сверток мне.

— Невидимые штаны, — произнесла она. — Мир их не заметит. Их видит лишь тот, на ком они надеты. Дедушка называет их самой честной вещью в нашей лавке. Они не латают вашу внешность. Они меняют ваш взгляд.

Я со щемящим сомнением уставился на её пустые ладони.

— Но... как мне их надеть?

— Замуртесь и представьте, что они уже стали вашей кожей, — отозвалась Аки. — Эта ткань соткана из воображения. Но не смейте думать, что они менее реальны, чем всё остальное в этом мире.

Я прикрыл веки, пытаясь вообразить на себе то, чего не существовало. Сначала была лишь пустота. Но вдруг я ощутил фантомное прикосновение — словно прохладный ток воздуха скользнул по ногам, обтек бедра и невесомым обручем замкнулся на талии. Я распахнул глаза. Внешне ничего не изменилось: я стоял в своей привычной одежде. Но внутри что-то бесповоротно сдвинулось с мертвой точки.

— Ну как? — шепнула Аки.

— Не знаю... — начал я и в то же мгновение увидел.

Не глазами — всем своим существом, каждой порой. Я внезапно оказался в собственном офисе. Стерильно-серые стены, удушливый гул кондиционеров, бесконечные лабиринты столов. На мне — безупречный дорогой костюм, выбранный лишь потому, что он «транслирует статус». Накрахмаленная сорочка, удавка галстука, часы, обязанные кричать о моем триумфе. Я смотрел на себя со стороны и содрогался: передо мной был актер, заигравшийся в чужой пьесе. Я видел, как этот «я» льстиво улыбается боссу, веско кивает коллегам и чеканит пустые, «правильные» слова. Но я видел и другое: под этой дорогой броней не было ничего. Только вакуум.

Картинка дернулась и сменилась. Теперь я на корпоративном рауте. Звон хрустали, приглушенный, интимный свет и раскатистый смех, в котором нет ни капли искренности. Я стою в плотном кольце таких же, как я, — в безупречно дорогих костюмах, которые никто из нас не выбирал по доброй воле. Мы облачены в униформу соответствия. Мы транслируем лишь то, что положено. Мы сканируем друг друга, вычисляя цену галстука или часов, и в этом порочном круге я внезапно узнаю себя. Того, кем меня вылепили чужие ожидания.

Новый кадр: ресторан, ужин с родителями. Мать с нескрываемым торжеством оглядывает мой пиджак. «Наконец-то ты стал серьезным человеком», — произносит она, и я послушно растягиваю губы в улыбке. Но внутри всё скручивается в тугой узел. Я отчетливо осознаю: этот «серьезный господин» — не я. Это роль, вызубренная до автоматизма ради порции материнского одобрения.

Мелькают вспышки: вот я в бутике, лихорадочно выбираю вещь, которая должна кому-то что-то доказать. Вот я застыл перед зеркалом, до миллиметра выправляя воротничок, чтобы

соответствовать анонимному стандарту. Бесконечная галерея лиц, которые оценивают, взвешивают, выносят вердикт...

И вдруг меня накрывает тоска. Она настолько беспросветна, что перехватывает дыхание. Я вглядываюсь в эти навязанные образы и не нахожу там себя. Только карнавальные костюмы, застывшие маски и заученные позы — что угодно, кроме живого человека. Где я? Кто скрывается под всем этим тряпьем, которое я годами напяливал на себя, чтобы угодить другим?

— Вы увидели? — негромкий голос Аки выдернул меня из оцепенения назад, в тишину лавки.

Я распахнул глаза. Щеки жгло от слез.

— Видел, — выдохнул я, и голос предательски дрогнул. — Я видел того, кем отчаянно пытаюсь казаться для остальных. И я... я не узнал этого человека.

— Дедушка говорит, — Аки осторожно накрыла мою ладонь своей, — что невидимые штаны — самое суровое испытание. Стоит их надеть, как понимаешь: десятилетиями ты носил одежду, которую видели все, кроме тебя самого. Сбрасывать это тряпье страшно. Кажется, что за ним не останется ничего.

Я опустил взгляд на свои ноги. Зримая пустота. Но я кожей чувствовал присутствие этой призрачной ткани — единственной честной вещи, которую я когда-либо носил.

— Я действительно не знаю, что от меня останется, — прошептал я в пустоту лавки.

Дерево кресла натужно скрипнуло. Старик Сато открыл глаза. В его прозрачном взоре не было и тени жалости — лишь донная, древняя мудрость. Он смотрел сквозь меня, и его губы вымолвили заветное:

— Штано.

Аки перевела:

— Дедушка говорит: то, что останется после разоблачения, — и есть вы. Не бойтесь сорвать с себя чужое. Под ворохом навязанных истин всегда ждут свои, настоящие штаны. Просто вы слишком долго позволяли им пылиться на дальней полке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.